

3. Советское присутствие в мире и конец «разрядки»

По сути, в основе «разрядки» лежало глубокое недоразумение. Западу она представлялась «глобальной», он признавал существующее в Восточной Европе положение (в лучшем случае требуя уважения прав человека — без особых на то иллюзий), рассчитывая, что в ответ на это СССР воздержится от участия в конфликтах в остальном мире. Для советской же стороны «разрядка» ограничивалась обязательством не вмешиваться в дела Запада (например, посредством компартий, к тому же после возникновения «еврокоммунизма» все менее склонных следовать указаниям Москвы).

Эти обязательства ни в коей мере не означали, однако, что советская внешняя политика, в которой переплетались военная стратегия, соображения идеологического характера и внутренние проблемы, будет направлена на замедление «хода истории» и отказ от «классовых отношений» со странами, ведущими «борьбу против империализма». Во второй половине 70-х гг., следуя генеральной линии, избранной в после-сталинский период, Советский Союз продолжал глобализацию своей внешней политики, беря на себя все новые обязательства, в особенности на Ближнем Востоке и в Африке.

Так, СССР вдохновлял кубинскую интервенцию в Анголе, помогал Народному фронту освобождения Мозамбика, потом непосредственно вмешался в конфликт в районе Африканского Рога, сначала на стороне Сомали, затем, вернувшись к союзу с Эфиопией, — на стороне генерала Менгусту и поддержал его в войне в Огадене. Завоеванные Советским Союзом позиции в Африке открыли новые возможности экспансии его военно-морской мощи, которая в 70-е гг. значительно возросла.

Не ограничиваясь защитой своих морских границ, флот СССР, руководствуясь предложенной адмиралом Горшковым новой стратегией, демонстрировал свое присутствие и оказывал политическое давление в акватории Мирового океана.

В этих условиях факт существования не только стран-союзниц Советского Союза, но и тех стран, во главе которых стояли марксистско-ленинские партии, «сознательно осуществляющие экспансию социализма» в зонах, стратегическое значение которых приоткрывало множество потенциальных возможностей в региональной политике, становился очень важным. Разве Советский Союз не мог оказывать давление с побережий Анголы на морские пути вокруг Южно-Африканского мыса? И более того, разве присутствие Советского Союза в Эфиопии и в Южном Йемене, то есть на обоих берегах Красного моря, не давало ему возможность дать почувствовать возрастающий вес его военно-морских сил в этом жизненно важном для Запада регионе? Определяемые этим благоприятные перспективы относились главным образом к политическим и дипломатическим преимуществам Советского Союза и обуславливались его способностью демонстрировать силу своим реальным и потенциальным союзникам. В этом смысле Ангола и Эфиопия были важными вехами в процессе, который во второй половине 70-х гг. привел к краху советско-американскую «разрядку».

Смертельный удар «разрядке» был нанесен советской интервенцией в Афганистане в декабре 1979 г. Когда советские руководители принимали решение ввести войска в Афганистан, они, конечно, не могли представить себе, какие серьезные последствия повлечет за собой эта их «инициатива» и как она отразится на отношениях между Востоком и Западом. Уже в течение нескольких лет Афганистан находился в зависимости от Советского Союза. Государственный переворот в апреле 1978 г., в результате которого к власти пришли афганские коммунисты во главе с Тараки, еще больше укрепил это положение и придал ему необратимый характер. Поскольку Запад не прореагировал на события 1978 г., советская сторона, стараясь удержать завоеванные позиции и не желая допустить падения дружественного ей режима, решила, что может действовать безнаказанно. Разве не похожа военная интервенция декабря 1979 г. на операцию внутренних войск, да еще в зоне влияния, которую никто не оспаривал? На самом деле, в течение предшествующих полутора лет международная политическая конъюнктура в этом регионе резко изменилась.

Если государственный переворот апреля 1978 г., упрочивший советское влияние в Афганистане, не вызвал никакой реакции со стороны американцев, то только потому, что в Тегеране власть была еще у иранского шаха. Вторжение же в Афганистан произошло менее чем через год после катастрофического поражения Соединенных Штатов, которое они потерпели, потеряв такого важного союзника, как Иран, в регионе, имевшем особо важное стратегическое значение. В обстановке сокрушительного провала в регионе, нефтяного психоза и, сверх того, захвата американских заложников в Тегеране в ноябре 1979 г. интервенция Советского Союза воспринималась потрясенной Америкой как агрессия, косвенно направленная и против нее. Совершенная сразу после конфликта в Анголе и Эфиопии, после поддержанного Советским Союзом вторжения Вьетнама в Камбоджу, интервенция в Афганистане, казалось, была апогеем беспрецедентного размаха советской экспансии. Благодаря реакции, вызванной этой интервенцией в США, победу на выборах осенью 1980 г. одержал

Р.Рейган, а его внешняя политика стала главным препятствием для советской дипломатии 80-х гг.

Захват Советским Союзом Афганистана со всей очевидностью подтвердил постепенно утверждавшееся на Западе со второй половины 70-х гг. мнение о том, что «разрядка» была «улицей с односторонним движением», сильно напоминая жульничество на рынке. Экономическое сотрудничество между Востоком и Западом не только не способствовало конвергенции двух систем, о которой мечтал А.Сахаров, оно нисколько не снизило военной угрозы со стороны Советского Союза, а возможно, даже косвенным образом способствовало ее возрастанию более или менее легальными поставками новейшей техники. Афганское «дело» положило, таким образом, начало новому периоду глубокого недоверия, даже противостояния двух сверхдержав, которое выражалось в постоянных обвинениях, в преднамеренно очернявшей противника символике («СССР — это империя зла», как выражался Р.Рейган), в демонстративных акциях (отказ американской, а затем и советской стороны от участия в Олимпийских играх соответственно в Москве и Лос-Анджелесе).

В течение трех лет (1981 — 1983 гг.) основные усилия советской дипломатии были направлены на то, чтобы помешать развертыванию американских евrorакет, которые советские руководители воспринимали как попытку США обойти установленные ОСВ-II уровни и нарушить фиксируемое ими стратегическое равновесие.

Советский Союз постарался привлечь на свою сторону пацифистское движение, особенно сильно развернувшееся в те годы в ФРГ, Великобритании и Нидерландах, и направить его против размещения евrorакет. Эта попытка Советского Союза потерпела крах, отчасти из-за недовольства пацифистов ходом «нормализации» положения в Польше, осуществлявшейся при советской поддержке, а также из-за репрессий КГБ против диссидентов — проблема, которая никого не оставляла равнодушным.

Итак, в начале 80-х гг. проводимая «олигархией стариков» внешняя политика СССР приносила по преимуществу, неутешительные результаты, перечеркивавшие плоды «разрядки». Период, несомненно благоприятный для Советского Союза как в дипломатическом, так и в экономическом отношении, закончился, и теперь Советский Союз задыхался в гонке за ядерным и технологическим паритетом.

В Восточной Европе «Солидарность», несмотря на переворот 13 декабря 1981 г., пробила брешь в советском блоке значительно большую, чем «пражская весна». В третьем мире достигнутые Советским Союзом успехи были весьма относительными. В Латинской Америке сандинистский режим испытывал нарастающие трудности; экономическая помощь Ф.Кастро обходилась все дороже. Вьетнам, союзник СССР в Юго-Восточной Азии, увяз в бесперспективной войне с камбоджийской оппозицией, поддерживаемой Китаем. В Африке экономическая катастрофа в Эфиопии, гражданская война в бывших португальских колониях уже не оставляли никаких надежд на успех советской политики.

Наконец, война в Афганистане, ставшая бездной, непрерывно поглощавшей и людей, и материальные ресурсы. Двухсоттысячный экспедиционный корпус вел грязную войну, крайне непопулярную в Советском Союзе из-за тысяч погибших и еще большего числа раненых и искалеченных молодых людей, отверженных и озлобленных.

Результаты внешней политики Советского Союза в странах Западной Европы были немногим лучше: несмотря на введение американцами на следующий день после переворота в Польше эмбарго на поставки в СССР энергетического оборудования, экономический обмен с западноевропейскими странами продолжался. Начиная со второй половины 70-х гг. расширение обмена, благодаря прежде всего крупным и долгосрочным контрактам в области энергетики (таким, как соглашение о поставке сибирского газа по новому газопроводу, соединившему Сибирь с Западной Европой), способствовало, как бы то ни было, формированию взаимозависимости в экономике, от которой нелегко было избавиться.